

Высшая школа экономики
Факультет философии

Философия. Язык. Культура.
Выпуск 4

Санкт-Петербург
АЛТЕИЯ
2013

Печатается по решению Ученого совета факультета философии
Национального исследовательского университета
«Высшая школа экономики» (НИУ ВШЭ)

Философия. Язык. Культура. Вып. 4 / отв. ред.
Горбатов В.В. — СПб. : Алетейя, 2013. — 434 с.

ISBN 978-5-91419-981-1

Сборник посвящен сосуществованию и тесному взаимодействию философии, языка и культуры в различных типах дискурсов. В него вошли статьи, посвящённые анализу различных аспектов познания, коммуникации и понимания, исследованию символического измерения бытия человека и общества, осмыслению широких взаимосвязей языка и культуры.

Книга предназначена философам, культурологам, специалистам в области языкознания и истории идей, широкому кругу учёных-гуманитариев.

УДК 1(82)
ББК 87я43
Ф 561

ISBN 978-5-91419-981-1

© Коллектив авторов, 2013
© Издательство «Алетейя» (СПб.), 2013

С.М. Левин

ЯЗЫКОВАЯ КОМПЕТЕНЦИЯ СУБЪЕКТА И ЛОГИЧЕСКОЕ ТРЕБОВАНИЕ СИЛЬНОГО АЛЬТРУИЗМА*

Аннотация: В статье критически реконструируется аргументация Дж. Сёрла в пользу того, что для каждого лингвистически компетентного субъекта существует логическое требование сильного альтруизма. Благодаря тому, что для обоснования моральных действий Сёрл обращается только к внутренним ресурсам субъекта, его подход сулит возможность преодолеть разрыв между сущим и должным. Тем не менее, в условиях очевидной вариативности этических мотивов и эпистемологической закрытости логического требования, сильный альтруизм фактически не справляется с ролью главного и единственного основания нравственности

Abstract: In the article we critically reconstruct J. Searle's argumentation for existence of a strong altruism as a logical requirement for any linguistically competent subject. Searle's approach promise to overcome a gap between 'Ought' and 'Is', thanks to the fact that reasons for moral actions could be found within the subject. Nevertheless the strong altruism could not play the role of main and only foundation of morality in the obvious presence of other moral motives.

Ключевые слова: язык, субъект, мораль, этика, альтруизм, рациональность

Keywords: language, subject, morality, ethics, altruism, rationality

Формулирование универсальных этических требований всегда было заветной мечтой моральных философов. Предполагалось, что исполнение таких требований будет не только уместно в каждой ситуации и для всякого индивида, но сможет быть безукоризненно обосновано для любого рационального агента.

* Работа выполнена при финансовой поддержке РГНФ. Проект №13-03-00427.

Без выполнения последнего условия сколь угодно правильное этическое предписание в своей практической реализации зависело бы либо от внешней инстанции принуждения, либо от иррациональной веры своих приверженцев. Таким образом, оно лишало бы статуса свободного и добродетельного все те поступки, которые совершались бы в соответствии с ним¹. Например, согласно Канту, субъект морального выбора появляется тогда и только тогда, когда выбор осуществляется исходя из этического долга.

Среди современных философов попытки представить такое этическое требование стремительно теряют популярность, однако, есть и те, кто не прекращает изыскания в данном направлении. К таким философам относится и Джон Сёрл. В книге «Рациональность в действии» [11] он написал, что достичь желаемого обоснования можно, найдя такую необходимую для каждого морального субъекта деятельность, само участие в которой, порождало бы для него универсальное этическое требование, а именно — логическое требование сильного альтруизма. Развернутой дескрипции наличия такого требования, по мнению Сёрла, достаточно, чтобы обосновать и одновременно объяснить для каждого рационального и лингвистически компетентного субъекта задачи и смысл всех аспектов нравственности. Сам Сёрл прямо не писал, что альтруизм это главный и единственный аспект морального сознания. Но мы можем это предположить исходя из того, что обсуждение универсального основания для альтруизма представлено им в той же работе, где критикуется категорический императив, который Кант полагал подлинной основой всякой нравственности.

Довольно часто альтруизм представляется альфой и омегой морального сознания, так как сложно найти лучшего кандидата для интегрального выражения морального характера нашего поведения: в каждой ситуации морального выбора альтруистический вариант противопоставляется эгоистическому. Своим

¹ Конечно, всё зависит от того, из какой модели рациональности мы исходим. В указанном параграфе, в соответствии с моделью Сёрла, предполагается, что рациональное обоснование дает основания для действия, но необязательно детерминирует его. Можно иметь рациональные доводы для того, чтобы сделать А, но сделать при этом Б. Если же мы заранее знаем, что действие произойдет с необходимостью, то нет нужды представлять дополнительные резоны для его совершения.

интересам агент должен предпочесть интересы другого без учёта выгоды для себя, а задача этики в таком случае состоит в том, чтобы обосновать именно этот вариант поведения. В простейшем сценарии это будет оказание помощи попавшему в беду незнакомцу — мы должны будем пожертвовать своими ресурсами, чтобы безвозмездно выручить постороннего нам человека. Допустим, вы помогаете прохожему выбраться из ямы. В таком сценарии очевидно, что наши эгоистические стремления (быстрее оказаться дома перед компьютером) входят в противоречие с альтруистическим вызовом (потратить время и силы). Также мы можем представить сценарии, в которых противоречие между альтруизмом и эгоизмом определяет наши действия и при этом подпадает под регулирование кой-либо конкретной этической нормой. Представим сценарий гарантированной безнаказанной кражи: Иван может поступить эгоистично, забрав чужое имущество при ничтожном риске и потенциально ценной добыче, но он может и воздержаться от кражи и, следовательно, отказаться от своего возможного выигрыша. Последний вариант можно интерпретировать как предпочтение интересов будущей жертвы своим интересам.

Проблема с альтруизмом как с главным моральным аспектом заключается в том, что морально нагруженные ситуации часто сложнее, чем выбор между своим и чужим интересом. В таких ситуациях отказ от эгоизма ровным счётом никак не подталкивает агента не то, что к правильному выбору, а вообще к какому-либо выбору. Возьмем известное этическое затруднение, обсуждаемое Филиппой Фут, когда у нас есть выбор между неминуемой смертью нескольких невинных человек и вызванной нами смертью одного невинного человека [3, р. 8.]. Здесь у нас нет никакого эгоистического интереса, и потому альтруистические стремления также оказываются иррелевантны ситуации. Тем не менее, провал притязаний альтруизма на интегральное выражение морального сознания ещё не означает ошибочность его обоснования Сёрлом. Ведь даже если выбор между альтруизмом и эгоизмом это лишь один из многих аспектов моральной жизни, нам всё равно было бы важно узнать, почему мы должны предпочитать одно другому.

Сёрл различает два вида альтруизма: слабый и сильный, и только последний его устраивает. Слабый альтруизм — это склонность помогать другим, имеющая как социальные, так и

биологические предпосылки. И эта склонность может конфликтовать с другими нашими склонностями (садизмом, жадностью и т. д.). Такой подход к морали Сёрл называет социобиологическим: «Их идея состоит в том, что мы генетически склонны, по крайней мере, к определённым формам альтруизма, и предполагается, что мы способны понять генетические формы альтруизма, опираясь на групповой или родственной отбор. Альтруизм — это просто природная склонность, и поскольку он в принципе может быть эффективным, то он эффективен в той же степени, как и другие внутренние основания» [11, с. 176-177]. Альтруизм как природная склонность или воспитываемая/принуждаемая социальная склонность кажется Сёрлу недостаточным только потому, что в нём альтруизм предстаёт как одна из склонностей наряду с другими, поэтому может быть побеждена в равноправной борьбе. Факт конкуренции между стремлениями в глазах Сёрла делегитимирует в качестве моральных все участвующие в ней стремления. Такой взгляд не только согласуется с интуицией об особой важности моральных суждений, но и способствует далеко идущим выводам. Запрет на конкуренцию предполагает, что устраивающая Сёрла альтернатива в отличие от слабого альтруизма не будет рядоположенной с другими стремлениями и будет занимать наивысшее положение в иерархии мотивов. Эта альтернатива не будет лишь стремлением, а будет безусловным рациональным основанием.

Альтернативой для Сёрла становится сильный альтруизм. Слово сильный не означает, что такой альтруизм предполагает большую жертвенность своими интересами со стороны агента, оно означает иной уровень универсальности и обязательности требований. Универсальность означает, что он направлен на всех рациональных агентов, вовлеченных в языковую коммуникацию (об этом ниже), а обязательность означает, что несмотря ни на какие обстоятельства сильный альтруизм останется основанием для действия (хотя агент может им и не воспользоваться). Сильный альтруизм в отличие от слабого выдвигает нам категорическое требование, которое имеет смысл независимо от других факторов. В свёрнутом виде предпосылки того, что Сёрл затем назовет логическим требованием сильного альтруизма, содержится в его знаменитой статье «Как вывести “должно” из “есть”?» [4]. Подобно тому, как у давшего обещание есть основания для его выполнения даже при условии отсутствия благора-

зумных мотиваций, так и отсутствие желания помогать другим не элиминирует логического требования сильного альтруизма. «Факт того, что обязательства могут быть преодолены, не показывает, что первоначально не было обязательств» [4, р. 51]. Далее мы пристальней разберем эту статью про институт обещания, чтобы понять, как Сёрл пришел к идеям из «Рациональности в действии». Сильный альтруизм, как и институт обещаний, обладает качеством безусловного требования, с той только разницей, что обещание обязательно только для того, кто дал его, а сильный альтруизм это всеобщее логическое требование.

В упомянутой статье Сёрл обещал избавить нашу философскую традицию от одного из её столпов — «гильотины Юма», принципа, утверждавшего, что из описания фактов логически неправильно выводить этические предписания к действию. Разбирая дихотомию фактов и ценностей, Сёрл анализирует её в рамках терминологии предложенной Дж. Муром. В изложении Сёрла проблема звучит следующим образом: «Никакой набор описательных высказываний не ведет к оценочным высказываниям без добавления хотя бы одной оценочной посылки» [4, р. 43]. Из знания температуры кипения воды мы можем вывести предписание того, как приготовить кипяток, но не о того, или не стоит ли делиться им с замерзающим незнакомцем. Последнее будет возможно, только если у нас есть хотя бы одна, пусть даже скрытая, оценочная посылка, к примеру, «помогать человеку в беде — это хорошо». Разделение фактов и ценностей по Сёрлу ведет к моральному релятивизму (у вас есть свои ценности, у нас свои и нет объективного способа решить, чьи же ценности лучше). Этический релятивизм проблематичен по Сёрлу, так как никто не придерживается последнего в реальной «нефилософской» жизни. «Когда Вас изнасиловали, ограбили, напали, обманули и обворовали или как-то иначе нарушили Ваши права, Вы не располагены сказать: «Ну, у всех есть свои ценности и я выбрал один набор, но это личное дело каждого выбрать любой другой набор, который им нравится и их ценности также правильны, как и мои» [5, р. 164]. В статье Сёрл преодолевает такое жесткое разделение фактов и ценностей, показав, как и почему «должное» выводится из описания некоторых фактов, не просто дав один контрпример, но представив теорию, которая бы генерировала бесконечное число таких контрпримеров [4, р. 43].

Основной тезис Сёрла заключается в том, что совершение речевых актов может накладывать на человека определённые обязательства. Из дескрипции таких речевых актов мы можем узнать то, что должен сделать агент, их совершивший. Такую теорию Сёрл создает, опираясь на идеи Дж. Остина, считавшего, что с помощью слов мы можем не только описывать реальность, но и производить действия [9]. Речевые акты, производящие действия, называются перформативными актами. И направив дескрипцию на прошедшие перформативные, акты, к которым относятся и обещания, мы получим информацию об обязательствах агента. Сёрл претендует на то, что рассматриваемая им проблема находится полностью вне этического контекста. Он интересуется тем, как возникают обязательства из обещаний, независимо от моральных обязательств, то есть тем, что мы можем узнать об обязательствах некоторого индивидуума, если опишем совершенные им речевые акты. Он пишет, что работа по выведению «должного» может производиться без «моральных или оценочных предпосылок» [4, р. 48]. Должное, что интересует Сёрла, обозначает наши обязательства в обыденном смысле: «Вася должен сделать домашнее задание». В более поздней работе он прямо указывает «Нас интересует “долженствование”, а не “моральное долженствование”» [6, р. 176]. Однако, если Сёрл настаивает на неморальном характере своей работы, то почему вообще мы о ней говорим? Дело в том, что хотя в ней и обсуждается ценностно нейтральный способ создания мотивов к действиям некоторая часть и этих действий трактуются как моральные (потенциально подлежащие этической оценке). Изящность замысла в демонстрации того, как основания для морального действия зарождаются из внеэтических посылок. Такой подход экономит количество категорий, необходимых для описания машинерии наших действий. Ещё Гоббс писал о сомнительности выделения особого класса моральной причинности, отдельного от класса естественной причинности [8, с. 587]. Особая моральная причинность привязывала бы нас к существованию проблематичной онтологии классификации причин. К примеру, акт воровства общепризнано относится к тому, что мы можем осудить или, при наличии особых обстоятельств, морально оправдать, однако, Сёрл доказывает, что обязанность не воровать появляется не из некоего отдельного нравственного мира, она встроена в институт собственности » [4, р. 57]. Если мы знаем

о таком институте, то мы уже знаем и о нашей обязанности не посягать на имущество другого человека. Если же институт частной собственности нам неизвестен даже в зачаточной форме, то мы не будем брать «чужое» добро, а просто будем брать некий предмет, т.к. разделение на свое и чужое уже презюмирует институт собственности.

Возможно, что мы могли бы составить исчерпывающий список институтов, существование которых генерирует основания для действий подлежащих моральной оценке. Такой список в принципе мог бы полностью объять все существующие этические нормы. Обязательство соблюдать обещания проистекало бы из института обещания, обязательство не красть проистекало бы из института частной собственности, обязательство заботиться о ребенке проистекало бы из институтов материнства и отцовства (когда мы называем кого-то родителем, мы подразумеваем за ним некоторый набор обязательств относительно ребенка). У нас был бы готовый рациональный ответ на любой вопрос об обосновании наших моральных действий и при этом наш ответ выводился бы без использования ценностных установок. На наш взгляд, при всей теоретической фрагментарности такого решения оно вполне могло бы служить отправной точкой объяснения социально фундированных моральных норм. Сколь бы не был обширен этот институциональный список, он был бы конечен в каждый момент времени. Дж. Остин, рассуждая об иллюкутивных актах, писал, что философы склонны признать, что существует бесконечное количество способов употребления языка «остановившись в их подсчёте приблизительно на числе семнадцать. Однако даже если бы имело место даже десять тысяч способов, нас ничто не могло бы лишить возможности перечислить их все до одного» [9, с. 263-264]. Сколько бы ни существовало разнообразных этических институтов, их никогда не бесконечно много. Отказ же от подобного решения Сёрлом, на наш взгляд, проистекает не столько из соображений теоретической экономии, сколько из укоренившегося в европейской интеллектуальной традиции (и, соответственно, в самом Сёрле) морального абсолютизма, требующего установления одного единственно верного морального обоснования. Всеобщность всегда была отличительной чертой философского размышления — если уж создавали новый концепт, то ему непременно приписывали всеобщий характер. В моральной философии эта тенденция обычно

принимает форму морального абсолютизма и ведет к тому, что всякое этическое правило, его сторонники наделяют качествами универсальности и объявляют единственно правильным. Идея выводить каждое моральное требование из отдельного института в свете обозначенной тенденции к унификации кажется слишком громоздкой. Чтобы избавиться от опасности бесконечного расширения списка институтов для всё новых моральных правил, Сёрл с одной стороны нашёл нечто максимально общее, к чему можно свести все остальные этические установления — альтруизм. А с другой стороны, он выбрал такой институт, которым пользуется каждый из нас — язык, уже из этого института он выводит логическое требование альтруизма.

Язык — это не только самый распространенный, но и самый базовый институт. Главное свойство языка — это его всеобщность, у пользователей языка есть независимые от их желаний основания для того, чтобы использовать грамматические единицы языка в соответствии с его конститутивными правилами. Особенность конститутивных правил заключается в том, что вне этих правил с определённого момента не существует и регулируемый ими институт. Правило всеобщности языка, например, означает, что «любое утверждение говорящего S типа «а есть F» обязывает S к универсальному обобщению: для каждого x, если оно, по существу, идентично типу a, x можно справедливо описать, как F» [11, с. 186]. Всеобщность языка вкупе со здравым смыслом приводят к сильному альтруизму по следующей схеме (несколько перефразированной нами):

- (1). В определённых обстоятельствах я говорю «мне больно». Правило всеобщности обязывает меня сказать про любого X в тех же обстоятельствах, что ему больно.
- (2). Моя боль рождает потребность в помощи, следовательно, она рождает такую потребность для любого X в подобных обстоятельствах.
- (3). Я ожидаю, что моя потребность в помощи создает для вас основания для помощи мне. Следовательно, для любого X нуждающегося в помощи из-за боли у окружающих (включая меня), есть основания ему помочь [11, с. 187].

Задача Сёрла заключается в том, чтобы объяснить, почему логическое требование сильного альтруизма — это одно из конститутивных правил нашего языка наряду с требованиями говорить

правду, не высказывать противоречий и т. д. А значит каждый агент, обладающий языковой компетенцией, имеет независимое от своих желаний основание помогать другим людям. Критики Сёрла сосредоточились на поиске логических ошибок в его рассуждении, например, на доказательстве того, что из посылки (1) не следует посылка (2) [1, р. 449-450] или, что посылка (1) уже содержит в себе то, что нужно доказать [7, р.11]. Мы же считаем, что уже сама необходимость доказательства сильного альтруизма означает причинную неэффективность последнего. Логическое требование сильного альтруизма не есть конститутивное правило языка, а лишь выводится из него. Следовательно, пользователь языка напрямую не осведомлен об этом требовании, пока не прочтет книгу Сёрла или не проделает аналогичное рассуждение самостоятельно. Мы видим здесь известную эпистемологическую проблему [2]: если А знает В, а из В следует В, то знает ли А В? Если А не знает про В пока не совершит соответствующую мыслительную операцию, то нельзя сказать, что А совершил некий поступок исходя из В. Наверняка Сёрл делал в жизни нечто хорошее, до того как открыл свой замечательный аргумент. Тот факт, что в биографии компетентных пользователей языка присутствуют альтруистические поступки, в условиях эпистемологической закрытости их логического требования говорит о том, что компетентные пользователи языка совершали эти поступки по другим причинам. И сейчас рассуждения о сильном альтруизме носят для них рационально оправдательный, а не рационально-мотивационный характер.

Лингвистическая философия привела Сёрла к формулированию логического требования сильного альтруизма для всякого субъекта, только исходя из наличия у того языковых компетенций. Так как логическое требование сильного альтруизма обосновывается лишь за счёт внутренних ресурсов рационального субъекта, оно обладает минималистичной элегантностью удовлетворяющей теоретические чаяния морального абсолютизма. Но, в отличие от требования сдерживать обещания, которое содержится в самом институте обещания, и которым невозможно пользоваться без знания правил этого института, логическое требование сильного альтруизма выводится из языка, а потому неизвестно тем, кто не проделал соответствующих мыслительных операций. Вряд ли Сёрл готов заявить, что люди не совершали этические поступки до того, как узнали про требование сильного альтруизма. Следовательно, для морального поступка оказываются пригодны различные основания

для действия. И в условиях наличия множества таких мотивов, логическое требование сильного альтруизма теряет свою уникальность и начинает больше походить на оправдание постфактум, чем на действительный мотив помощи другим.

Литература

1. *Baggini J.* Morality as a Rational Requirement // *Philosophy*. 2002. Vol. 77 No. 03.
2. *Brueckner A.* Skepticism and Closure // *Dancy J., Sosa E., Steup M., A Companion to Epistemology*, 2nd Edition. Chichester: John Wiley & Sons, 2009.
3. *Foot P.* The Problem of Abortion and the Doctrine of the Double Effect in Virtues and Vices // *Oxford Review*. 1967. No. 5.
4. *Searle J.R.* How to Derive 'Ought' From 'Is' // *Philosophical Review*. 1964.No.73 (1).
5. *Searle J.R.* *Philosophy in a new century*. New York: Cambridge University Press. 2008.
6. *Searle J.R.* *Speech Acts: An Essay in the Philosophy of Language*. London : Cambridge University Press, 1969.
7. *Viskovatoff A.* Searle, Rationality, and Social Reality // *American Journal of Economics and Sociology*. 2003. Vol. 62.
8. *Гоббс Т.* Сочинения в 2 т. Т. 1. М.: Мысль, 1989.
9. *Остин Дж.* Слово как действие // *Новое в зарубежной лингвистике*. Вып. XVII. М.:Прогресс, 1986.
10. *Остин Дж.* Три способа пролить чернила. СПб.: Издательство Санкт-Петербургского университета, 2006.
11. *Сёрль Дж.* Рациональность в действии. М.: Прогресс-Традиция, 2004.

Сведения об авторе: Левин Сергей Михайлович, преподаватель кафедры гуманитарных наук факультета социологии НИУ ВШЭ СПб, мл. научный сотрудник философского факультета СПбГУ